

УДК 821.161.1.09“8”

“О, НАШЕЙ МЫСЛИ ОБОЛЬЩЕНЬЕ...”: ОТРАЖЕНИЕ РУССКОГО РЕВОЛЮЦИОННОГО ДВИЖЕНИЯ В ПРОЗЕ И.С.ТУРГЕНЕВА И М.А.ОСОРГИНА

Анненкова Е.С.

У статті на прикладі роману І.С. Тургенєва “Ночь” аналізується специфіка тургенєвського зображення революційного руху в Росії. В ній розглядаються модус наслідування і діапазон трансформації традиції Тургенєва, представлені в романі російського письменника М.А. Осоргіна “Свідок історії”.

Ключові слова: революція, революційний дух, революціонер.

В статье на примере романа И.С.Тургенева “Ночь” анализируется специфика тургеневского изображения революционного движения в России. В ней рассматриваются модус наследования и диапазон трансформации традиции Тургенева русским писателем М.А.Осоргиным, представленные в его романе “Свидетель истории”.

Ключевые слова: революция, революционный дух, революционер.

The article is based on the analysis of Turgenev’s specific picturing of the Russian revolutionary movement in his novel “Virgin soil”. It reviews modus of succession and transformation range of Turgenev’s tradition by Russian writer M.A.Osorgin in his novel “History witness”.

Key words: revolution, revolutionary spirit, revolutionary.

Тема русского революционного движения и образы революционеров, запечатленные в творческом наследии И.С.Тургенева, в современном литературоведении проанализированы всесторонне, к чему приложили усилия такие ученые, как Л.Н.Назарова, Г.Б.Курляндская, Г.А.Бялый, А.Б.Муратов, Ю.В.Лебедев и многие другие. Учитывая актуальность этой затронутой Тургеневым общественно-политической тематики для России начала XX века, продуктивным представляется изучение традиции Тургенева в изображении революционных идей и настроений в творчестве русских писателей, ставших очевидцами революционных преобразований в стране. В рамках данной статьи ограничимся рассмотрением преемственных связей прозы М.А.Осоргина с классическим канонем Тургенева.

Известно, что И.С.Тургенева всегда волновали события общественно-политической жизни России. Находясь за границей, писатель не переставал наблюдать и анализировать происходящее на родине. И если ему не хватало порой действительно воздуха российской жизни, то всегда любовь к стране и его удивительная интуиция помогали ему воссоздать дух и быт России в своем творчестве. Интерес писателя к революционным настроениям, царящим в определенных кругах русского обще-

ства, известен, известно также его умение художественно откликаться на происходящее в России. Ведь оно задевало его не только как художника и патриота своей страны, оно будоражило его как “политического мыслителя” (П.Струве). Писатель не верил в то, что революционность свойственна русскому народу, он понимал, что революционные идеи искусственно насаждаются в нем людьми, желающими насильственным путем переустроить старый уклад жизни, изменить политический строй в стране с многовековыми традициями и устоями. Таких “водителей народных”, которые стали ходить в народ, чтобы самим опроститься и народ образовать и поднять на бунт, изобразил в своем последнем романе И.С.Тургенев.

В “Нови” писатель нарисовал целую галерею революционеров-народников, разных по своему социальному происхождению и положению, но работающих для народа, которого они совершенно не знали и не понимали, охваченные абстрактными рассуждениями о благе народа-страдальца и готовые к решительной борьбе с самодержавием, обратившейся в борьбу с собственным народом. Тургенев в “Нови” показал и “романтика реализма” Алексея Нежданова, “бездомного горемыку”, замученного рефлексиями русского Гамлета, тонко чувствующего и много думающего, но не видящего

смысла в своей деятельности и не верящего, совершенно не верящего ни в успех общего дела, ни в народ, ни в свои собственные силы, потому что от всего этого “хожения в народ” с сопровождающим этот процесс пьянством, грязью и фальшью ему становилось невыносимо гадко на душе. Нарисовал Тургенев и противоположный Нежданову образ фанатично преданного революционному делу Маркелова, много говорившего о ланцете, которым надо вскрыть уже почти созревший в народе нарыв, т.е. вызвать бунт. Тургеневские характеристики достаточно выразительны, чтобы увидеть за ними складывающийся опасный русский тип революционера-фанатика идеи, который за общим словом “народ” не видел простого человека: “Маркелов был человек упрямый, неустрасимый до отчаянности, не умевший ни прощать, ни забывать, постоянно оскорбляемый за себя, за всех угнетенных, – и на все готовый” [5, IV, с. 197]. Драматичность его фигуры в том, что, страстно веря в идею необходимости насильственного изменения жизни крестьян и веря в сам народ, в голоплецкого Еремея, в вечно пьяного Менделеева по прозвищу Дутик и в других, таких же всегда пьяных мужиков, он идет поднимать народ. А народ этот, и именно Еремей из Голоплек, связывает своего защитника Маркелова и отдает его властям. Но произошедшее с ним не останавливает Маркелова, а наоборот, ожесточает и озлобляет: “Надо было просто скомандовать, а если бы кто препятствовать стал или упираться – пулю ему в лоб! Тут разбирать нечего. Кто не с нами, тот прав жить не имеет...” [5, IV, с. 344]. Уж очень напоминают последние слова народника Маркелова будущие большевистские лозунги, под которые уничтожали миллионы людей, вызывающих подозрение властей в несогласии и неповиновении. Тургенев показывает, что народ отвергает бунт, потому что русскому мужику нужна не война и не борьба, а нормальная жизнь. Поэтому в народе больше доверия к управляющему фабрики Соломину, который спокойно устраивает людям больницу и школу. Несмотря на то, что он вроде бы заодно с революционерами, впоследствии Соломин выбирает другую дорогу, покупает себе небольшой завод и твердо ведет свое дело, он – “не внезапный исцелитель общественных ран” [5, IV, с. 362]. Так в нем сказываются традиционные основы народной жизни, не разрушающей, а созидющей свой дом и родину. На страницах романа “Новь” встречаются и другие революционеры-народники, идущие в народ с верой в то, что они принесут ему счастье. Это и пропагандисты Остродумов и Машурина, честные, стойкие и мало думающие исполнители указаний своих таинственных начальников, и такие, как Кисляков, самовлюбленный и самоуверенный юнец, решивший, что он один “перевернет Россию, даже “встряхнет” ее, и сами начальники в лице маскирующегося и раздающего инструкции Василия Николаевича. Нежданов рассказывает о нем, что тот стал главным благодаря своему характеру: “ни перед чем не отступит. Если нужно – убьет. Ну – его и боятся” [5, IV, с. 261]. И портрет Василия Николаевича соответствует его характеру: “Приземистый, грузный,

чернявый... Лицо скуластое, калмыцкое... грубое лицо. Только глаза очень живые” [5, IV, с. 261]. Интересна повторяемость деталей в описании внешности революционеров у разных писателей. И Бунин, и Шмелев, и Зайцев, и Осоргин отмечали особую грубость и злость в лицах революционеров и их выдающиеся скулы, подчеркивающие решительность и силу характера.

Таким образом, галерея революционеров, представленная Тургеневым, далека не только от идеализации их образов, но она показывает, насколько исковерканы в них были обыкновенные человеческие чувства и поступки, насколько была изменена их человеческая природа. Нарисованные Тургеневым образы революционеров во многом похожи на “бесов” Достоевского, только написаны они в тургеневской уравновешенной манере. Об этом говорил сам писатель, называя причины, побудившие его к написанию романа. В письме к М.М.Стасюлевичу он высказывал большие симпатии к молодому поколению русских революционеров: “Молодое поколение было до сих пор представлено в нашей литературе либо как сброд жуликов и мошенников – что, во-первых, несправедливо – а во-вторых, могло только оскорбить читателей-юношей как клевета и ложь; либо это поколение было, по мере возможности, возведено в идеал, что опять несправедливо – и сверх того, вредно. Я решил выбрать среднюю дорогу – стать ближе к правде; взять молодых людей, большей частью хороших и честных – и показать, что, несмотря на их честность, самое дело их так ложно и нежизненно, что не может не привести их к полному фиаско. <...> Во всяком случае, молодые люди не могут сказать, что за изображение их взялся враг; они, напротив, должны чувствовать ту симпатию, которая живет во мне – если не к их целям, то к их личностям. И только таким образом может роман, написанный для них и о них, принести им пользу” [6, XII, кн. 1, с. 43–44]. Очевидна общественная позиция писателя: он ясно видел обреченность революционных начинаний в России, потому что они противны духу ее народа, который надо не бунтовать и поднимать на революцию, а просвещать, постепенно ставя народную жизнь на цивилизованную почву, ведь “народ бедствует страшно” [5, IV, с. 363] и нуждается в действительной помощи. Тургенев подчеркивал, что “*плуг* в моем эпиграфе не значит революция – а просвещение” [6, XI, с. 299]. Писатель в 70-е годы XIX века не видел реальной силы в обществе, способной ускорить преобразования и улучшить тяжелую жизнь народа. Героев у нового времени не оказалось, и это показал писатель в своем романе. При всех ощутимых симпатиях Тургенева к образу Соломина, а он очень радовался положительным отзывам об образе этого героя, для русского человека он останется слишком серым, слишком хитрым, слишком непонятным, слишком правильным и “резвым” (Тургенев). Хотя, с точки зрения писателя, именно его незаметная созидательная деятельность необходима стране. Ведь кто-то должен что-то делать, а не только разрушать. Русь Тургенева стала безымянной, и дорога, по которой пойдет эта безымянная Русь в будущем,

писателю в начале 70-х годов XIX века видна не была.

Но эту дорогу увидел и даже по ней пошел оригинальный русский писатель М.А.Осоргин. Именно эта дорога впоследствии и выбросила его на чужие берега, во Францию, где он и закончил свою жизнь. Осоргин посвятил теме революции два небольших романа: “Свидетель истории” (1932) и “Книга о концах” (1935). Сам писатель носил дух революционности в себе. Его идеалом была свобода, никем и ничем не ограниченная, кроме его нравственного чувства. Родившись в семье, принадлежащей к поколению шестидесятников, его отец был либерально мыслящим и образованным человеком, принимавшим участие в проведении крестьянской реформы 1861 года, он всегда гордился тем, что вырос на русском приволье и впитал в себя ширь русских рек и запах русских лесов. В автобиографических “Временах” он писал: “Я радуюсь и горжусь тем, что родился в глубокой провинции, в деревянном доме, окруженном несчитанными десятинами, никогда не знавшими крепостного права, и что голубая кровь отцов окислилась во мне независимыми просторами, очистилась речной и родниковой водой, окрасилась заново в дыхании хвойных лесов и позволила мне во всех скитаньях остаться простым, срединным, провинциальным русским человеком, не извращенным ни сословным, ни расовым сознанием” [1]. Недалеко от дома Осоргина пролегал известный Сибирский тракт, по которому гнали на каторгу политических и других преступников. Осоргин пишет, что слово “гнали” использовали тогда, когда говорили про скот или про людей “необычной, бунтующей воли”. Вот к таким людям писатель в принципе относил себя, и к таким людям он всегда испытывал огромное уважение и сочувствие, потому что жалость к обиженным и угнетенным – в крови русского человека. Писатель вспоминает, как по-доброму относились к арестантам сибиряки: давали покушать, приносили чай, называли “несчастненькими”. Жалость к людям, закованным в кандалы и лишенным воли, проникла в душу Осоргина с детских лет, с тех мгновений, когда он смотрел на сибирскую дорогу и наблюдал за арестантами. Любовь к свободе и жалость к угнетенным и бедным людям привели Осоргина в партию революционеров-эсеров, хотя, по его собственным словам, в революции он был незначительной пешкой, “рядовым взволнованным интеллигентом”. Но слово “революция” для него было священным, и он никогда не отказывался от своих юношеских революционных идеалов и настроений, считая, что если бы переворот в России не случился, то это было бы огромным несчастьем для страны. Более того, он видел свое место в новой России и хотел послужить ей своими знаниями и делами “вопреки разрушительной деятельности власти”. Он верил, что “нужно спасти Россию и то, что осталось от революции”. Такого нового человека для России, способного и готового работать на благо всех русских людей, не отчаявшегося после революции, а выжившего и укрепившегося морально в ее бедах и бурях,

Осоргин нарисовал в романе “Сивцев Вражек” в образе Павла Петровича, жениха Танюши.

Диалогия Осоргина “Свидетель истории” и “Книга о концах” посвящена событиям русской революции 1905 г. В те годы, как пишет Осоргин, “зачилась новая русская история. Год был урожаем на молодых героев. Они народились в глубинах России, единицами и гнездами. И народились на скорую погибель, — чтобы оставить в истории красный героический след и подготовить будущее” [2]. В романах писатель рисует две фазы революционной борьбы в России. В “Свидетеле истории” отражен начальный ее период, полный романтического пафоса борьбы и стремления и веры в победу революционных идеалов; в “Книге о концах” писатель показывает революционеров, оказавшихся в эмиграции за границей после разгрома революционного движения, когда “романтизм умер от истощения”. Подхватывая предложенную Тургеневым тему революционной психологии русской молодежи, Осоргин вступает с писателем в полемику. Если Тургенев отметил неоднозначность морально-нравственного характера самих революционеров и для него существовала одна правда, говорившая о недопустимости никаких насильственных действий, противных нравственной природе русского народа, который необходимо постепенно просвещать и готовить к восприятию реформ сверху, то для Осоргина было две правды. И рассуждения о двух равновеликих правдах он вкладывает в уста священника, отца Якова, скромного свидетеля русской истории. Отец Яков, размышляя о жизни пламенного революционера Николая Ивановича, переходит к мыслям о судьбе русского человека в смутные революционные времена. Николай Иванович – человек бывалый, много раз арестованный и сосланный в Сибирь на каторжные работы и на поселения и много раз оттуда сбегавший. Он исходил всю Россию, не имея ни пристанища, ни дома, ни семьи. Всего себя он отдал делу, посвятил ему свою жизнь. Но революция в белых перчатках не делают, и Николай Иванович также пролил немало крови. Так в одном человеке уживаются противоречивые силы: “... на сем смелом челе, под личиной великого задора, даже при дерзости, и энергии исключительной, – видна иная печать, как бы страдания и подвижничества. Он тебе и бродяга, он тебе и анархист и убийца, – а если есть на небе Бог, которому многожды, привычно кадилом махая, пел отец Яков молебны, то этот Бог должен обязательно Николая Ивановича простить и помиловать за великую его муку и за жажду счастья человеческого, – не себе, а всем людям.

И как это бывает, что в одном человеке столько зла, столько добра и разом – столько любви и ненависти? А что бывает – сомнения нет. И кто свят? И кто грешен? Кто преступник и кто праведник? Разобраться в том мудрено, по виду судить нельзя, по поступкам трудно, а в душу не всякому заглянешь” [3]. Этот отрывок красноречиво показывает, как изменились представления русского человека об истинных ценностях бытия, как услышаны были поверхностные и рассчитанные на удовлетворение сиюминутных потребностей человека

лозунги, а прослушаны или забыты были предупреждения и заветы Пушкина, Гоголя, Достоевского, Толстого. Истинные сыны России, они говорили, что бунт и революция в России опасны и необратимы в своих последствиях. Но для Осоргина в существовании этих двух правд заключалось оправдание русской кровавой революции. Убийство и кровь, пролитые с чистым сердцем во имя светлого лучшего будущего, имеют право на существование. И люди, их совершающие, сами жертвы святой идеи революционного преобразования мира. Переступающие через нравственное чувство, они творят свой индивидуальный подвиг, заслуживающий восхищения и оправдания.

Писатель настойчиво подчеркивает романтически-героический характер устремлений людей, искренно преданных идее революции, готовых ради этой идеи пожертвовать своей жизнью без сожалений и размышлений. Революция освящена именно чистотой и бескорыстной преданностью ее делу молодых людей, отдававших за нее свои жизни. У революции есть своя светлая правда: «правда чистых, высоких идеалистов, отрекшихся от благ личной жизни, ради блага общего, и тем окруживших самую идею революции ореолом святости и красоты» [2]. Хождения в народ не удались, и тогда родилась новая сила в русской революции, новые люди, отважившиеся на индивидуальный террор. В «Свидетеле истории» изображается крайнее крыло эсеровской партии, группа эсеров-максималистов во главе с Оленем, который организует отдельные террористические акты с целью уничтожения самодержавия. Это образ фанатично преданного революционному террору человека, написанный Осоргиным с большой симпатией, как бы вмещает в себя черты революционно настроенных героев тургеневской «Нови». В Олене можно увидеть нечто, напоминающее облик организатора народников Василия Николаевича и Маркелова, а также отметить определенное его сходство с Алексеем Неждановым (у них даже имена одинаковые: Олень также иногда называли настоящим именем – Алешей). Ведь Тургенев чутьем большого художника дал собирательный портрет революционера, уловив самые характерные, хотя и максимально обобщенные его черты. При этом герои Тургенева не имели конкретных прототипов, а характеры Осоргина преимущественно предполагали под собой реальных деятелей русской революции, хотя необходимо уточнить, что герои Осоргина не были точными копиями революционеров. Следуя задачам художественного произведения и желая донести до читателя исключительный героический и подвижнический пафос их деятельности, писатель не воспроизвел, например, действительных размеров и следствий покушения на министра, имя которого не указано в романе, и не «замарал» любовной связью Наташу и Оленя.

Прототипом Оленя был социалист эсер-максималист Михаил Соколов по прозвищу Медведь, который, по воспоминаниям очевидцев, отличался преступно легким отношением к своей жизни и к жизни других людей. В романе Осоргин так говорит об Олене: «Он не тратит часов и дней на теорети-

ческие споры и рассуждения; ежеминутно рискуя головой, он готовит страшный удар власти, с которой борется, зная, что при этом могут погибнуть люди, ни в чем не повинные. Он следует приказу своей совести, не позволяя себе лишних рассуждений. И он имеет на это право, потому что всегда готов быть первой жертвой и за все понести ответственность» [2]. Но какая же ответственность перед людьми может быть после смерти, о загробной же ответственности у революционеров, не верящих в Бога, и речи быть не могло. Прототип Оленя, Соколов, подготавливал вместе со своей соратницей Н.Климовой, выведенной Осоргиным в романе под именем Наташи, террористический акт на Аптекарском острове, целью которого было убийство А.И.Столыпина. В действительности же при взрыве погибли более тридцати человек, большинство из них были случайные лица, в их числе были и дети владельца дачи. Ранены были также дети самого министра, его старшая дочь осталась на всю жизни калекой, у маленького мальчика было переломано бедро, по удивительной случайности физически не пострадал только сам Столыпин.

Но, тем не менее, образ Оленя – один из самых привлекательных в романе. Эсер-максималист, безжалостный и беспощадный, смелый и мужественный, преодолевающий любые препятствия, не гнушающийся самыми дерзкими поступками ради общей идеи и поставленной цели, берущий грязную работу на себя и несущий за все ответственность, Олень представляется думающим и чувствующим человеком, понимающим значительно больше, чем это могло быть удобным в его положении. Убивая людей, он переступает через себя, осознавая, что «убивать и умирать не так просто» [2]. Жестокость и беспощадность, с которыми он идет на убийство, его фанатичная ослепленность стоящими перед ним огромными и опасными задачами сближает его с тургеневскими Василием Николаевичем и Маркеловым. Олень дерзко грабит банк, а потом эти деньги пускает на партийные нужды, он убивает в лесу агентов московской охраны и не прощает себе ошибки, что не убил до смерти человека, он посылает на смерть людей и не чувствует раскаяния и жалости, потому что революцию в белых перчатках не делают.

Но внешне очень сильный, цельный, не сомневающийся, в глубине души Олень – человек мучающийся и глубоко уставший. Уставший от постоянных преследований, от переудаваний и маскировок, от побегов и от убийств, крови, бомб, жертв и палачей. Он устал от одиночества и отсутствия любви, устал от бесконечности и, в сущности, бесполезности такой борьбы, в которую он верил и не верил одновременно. Ведь обреченность своей деятельности он не только понимал, он чувствовал это всем своим сердцем. И в этом есть черты, напоминающие тургеневского Нежданова, которого изнутри точил какой-то червь, не дающий ему покоя. Вот такой «внутренний червь» точил и Оленя, осознающего быстрый конец своей борьбы. Топор, который валится из некрепких рук Нежданова и поднимать который в его понимании не

было даже смысла, берет в свои сильные руки Олень, по сути, совершая то самоубийство, от которого отказался Нежданов: “Или уж точно взять топор?.. А на кого идти, с кем, зачем? Чтобы казенный солдат тебя убубухал из казенного ружья? Да ведь это какое-то сложное самоубийство! Уж лучше же я сам с собой покончу” [5, IV, с. 312–313]. Однако поднятый Оленем топор, вернее, уже динамит, ни счастья, ни удовлетворения ему не приносит. Если бы не решительность и отчаянная смелость, с которой он осуществлял свои замыслы, можно было бы сказать про него, как про Нежданова, что у него “сердце нежное”. Осоргин неслучайно, рисуя портрет Оленя, подчеркивает, что на его строгом лице была добрая и детская улыбка. И именно человеческое движение души стоило Оленю жизни, когда он на мгновение остановился возле просящего милостыню нищего, чтобы подать ему копейку, и был в этот момент схвачен полицией. Тургенев подчеркивает особенную нервность Нежданова, лицо у Оленя было красивым и тоже “очень нервным”, у него постоянно подергивалась щека, что было его отличительной приметой, выдавшей его полиции. Нервность героев вызвана многими обстоятельствами. Но общей причиной их нервного состояния является избранная ими деятельность, становившаяся все более невыносимой для их внутреннего чувства, что и привело их обоих к смерти. Важным для понимания сложности характера Оленя видится его разговор с Наташей накануне террористического акта. Они рассуждают о смерти и насилии. Для Наташи насилие – необходимость, без него нет результата борьбы. Но Олень не соглашается с ней: “А мы говорим, что боремся с насилием во имя свободы” [2]. У Оленя просыпается лежащее на дне его души морально-нравственное понятие того, что насилие и свобода – две совершенно разные вещи. И свобода не покупается ценой гибели ни в чем не повинных людей. Ощущение усталости от жизни также мотивируется в романах Тургенева и Осоргина схожими причинами: Нежданов не знал, как и к чему приступить, не верил в успех дела, а Олень хотя и знал, но тоже понимал неэффективность и обреченность предпринятых усилий. “Чувство странной усталости души”, владеющее сердцем Нежданова, оказалось знакомым и Оленю, который особенно ощущал ее накануне своего ареста. Образовавшаяся вокруг него пустота, множество погибших людей, переступленная черта человеческих возможностей сжимали сердце революционера, как жандармы сжимали вокруг него свое кольцо. Душевная пустота и отчаянная покорность Оленя перед смертью сродни неждановской обреченности и одиночеству перед его самоубийством. Олень “все больше чувствовал, что силы подорваны” [2], и чувствовал он это давно, еще когда делился этими мыслями со своим товарищем по партийной борьбе, несчастным и загнанным в угол Морисом, которому говорил с сожалением: “Мы недолго продержимся, Морис, нам не стоит считаться” [2]. А Нежданов в одном из последних своих писем к другу Силину с горечью утверждал: “Куда ни кинь – все клин! Окургузила меня жизнь <...> Впрочем,

я чувствую, что это долго не продлится...” [5, IV, с. 313]. Есть еще одна черта, психологически сближающая героев Тургенева и Осоргина. Это их отношения с женщинами. Ни Нежданов, ни Олень, по сути, не знают женской любви. Нежданов по понятным причинам не обращает внимания на влюбленную в него народницу Машурину, но и в чувствах своих к Марианне он не уверен. Инициативу, как всегда у Тургенева, проявляет женщина, но в данном случае писатель подчеркивает, что Марианна видит в нем не столько мужчину, сколько собрата по несчастью (“мы оба одинаково несчастливы”) [5, IV, с. 209] и товарища по интересам, по общему делу (“...я в вашем распоряжении <...> я хочу быть полезной вашему делу <...> я готова сделать все, что будет нужно, пойти, куда прикажут <...> я всегда, всю душой, желала того же, что и вы...” [5, IV, с. 219]. Поэтому их чувства не носят любовный характер, это дружба, жалость и одиночество, но не любовь. Во время объяснения они лишь жмут друг другу руки и говорят о делах; решившись бежать вместе из дома, она просит его, чтоб он взял ее руку: “... только не целуй ее – а пожми ее крепко, как товарищу, как другу...” [5, IV, с. 263]. То же самое происходит во время “супружеской сцены” между Оленем и Наташей. Поселившись вместе как супруги для выполнения партийного задания и чувствуя большую симпатию друг к другу, они не позволяют себе ничего личного. В момент возможного объяснения они говорят лишь о предстоящем деле, ведь революционеры не могут позволить себе любовь: “Если принять это – тогда они оба должны изменить делу, бежать, устроить свою маленькую частную жизнь, ненужную и стыдную. Тогда, значит, все это вообще было ложью, а оба они – молодые супруги, проживающие нагребленные деньги!! Рядом в постели – и рядом умирать. Выиграть любовника – и проиграть Оленя. И проиграть, конечно, себя” [2]. Любовь под аккомпанемент смертей, лицедейства, обмана и всей их двойной фальшивой жизни – такая любовь даже для таких отчаянных и не ценящих жизнь людей – слишком большое испытание. Кроме того, Наташа все-таки “любит в нем вождя и верного товарища”, а не мужчину, а Олень, хоть и видит в ней красивую женщину, но прежде всего он руководитель, вождь, “который все может и все освещает своим личным участием. Это и есть его высокая любовь, и в этом страшная его сила” [2]. Так общее дело закрывает от них личное, но, не имея представления о счастье личном, можно ли построить абстрактное счастье для других людей? Над этим вопросом задуматься им не пришлось, потому что смерть Оленя и арест Наташи навсегда разъединили их, как смерть Нежданова положила конец его мучительным отношениям с Марианной.

Тургенев в письме к студентам, написанном 19 (31) марта 1879 г., воодушевленный русской молодежью, стоящей, по его мнению, на хорошей дороге, отмечал, что эта “хорошая дорога” должна привести, по его мнению, “к желаемой всеми нами цели: к преуспеянию и упрочению нашего дорогого отечества, русской мысли и русской жизни” [7, XII, с. 674]. Тургенев ошибся, потому что его романти-

ческое и либерально-цивилизованное видение преуспевающего отечества абсолютно не совпало с представлениями о таком отечестве революционеров-социалистов, пришедших на смену народникам. Их залитый кровью путь изначально закрыл дорогу к процветанию Родины. Осоргин в своих романах показал этот жестокий и бесчеловечный путь, по которому пошла революционная молодежь в XX веке. Но в таком пути писателю виделась единственная возможность для России стать другой страной, поэтому жертвы, принесенные революционерами, для него связывались с героизмом и подвижничеством. Бескорыстно и с твердой верой отдать свою жизнь ради великого дела – в этом непреходящее значение подвигов людей сильных и отважных духом. Но Осоргин никогда не останавливался в своих размышлениях над справедливостью мироустройства. Он, освящая идею революции в своей исторической диалогии, был охвачен самим духом революционности, который, по его мнению, всегда свободен и чист. Для него в революции заключался смысл человеческой жизни, вечно обновляющейся и прекрасной в своих новых открытиях. Во «Временах» Осоргин объяснял свою позицию: «Для меня революция – вечный протест, вечная борьба с насилием над личностью, во всякий момент, во всяком строе, и я не зову этим именем защиту позиций, занятых новыми властителями. Революция – крушение, а не остановка и не строительство. Величайшая ересь – мыслить ее «перманентной» в смысле охраны и созидания нового государственного строя. Взавший власть – уже враг революции, ее убий-

ца, основоположник контрреволюции. Наша история это подтвердила. Все это я знаю, но знание не окрасит заново поблекшего знамени и не спасет от натиска противоречий; крах прежних духовных ценностей неизбежен» [1]. Постепенно он, отрекаясь от идеалов своей молодости, все же приходил к их переосмыслению, подходя к пониманию тщетности насильственного устройства счастья миллионов. Еще позже, продолжая мучиться над смыслом прожитой жизни, в «Письмах о незначительном» он отметит: «Таковы, в сущности, все планы и проекты устройства человеческого счастья: выигрыш в будущем ценою несчастья в настоящем, вечное пожертвование реальными благами ради призрачного благополучия предполагаемых единиц или масс, которые будут в свое время приглашены поступить так же. Теория искупительных жертв, которая сама по себе, могла бы быть весьма высокой и достойной, если бы за ней не стояло принуждение» [4, с. 41].

Таким образом, два больших свободолюбца, Тургенев и Осоргин, шедшие по жизни разными путями и придерживающиеся различных взглядов, признавали и отражали в своих произведениях романтическую основу революционных порывов молодого поколения. Но в конечном итоге писатели сошлись в главном. Они оба пришли к утверждению жизни в ее духовной основе. Человечество в своих планах об устройении благополучной жизни должно опираться на гуманистические морально-нравственные ценности, главные из которых, составляющие смысл человеческой жизни, – это свобода, красота, любовь, искусство и поэзия.

Литература

1. Осоргин М. А. Времена [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0070.shtml
2. Осоргин М. А. Свидетель истории [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://lib.ru/RUSSLIT/OSORGIN/svidetel.txt>
3. Осоргин М. А. Книга о концах [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/o/osorgin_m_a/text_0060.shtml
4. Осоргин М. А. Письма о незначительном / М. А. Осоргин. – Нью-Йорк : Изд-во им. Чехова, 1952. – 428 с.
5. Тургенев И. С. Собрание сочинений : в 10 т. / И. С. Тургенев. – М. : Госуд. изд-во художественной литературы, 1962. Тексты цитируются по этому изданию: римская цифра указывает том, арабская – страницу.
6. Тургенев И. С. Полное собрание сочинений и писем : в 28 т. Письма : в 13 т., 15 кн. / И. С. Тургенев. – М. ; Л. : Издание Академии наук СССР, 1961–1968. В дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте с указанием римской цифрой номера тома, арабской – страницы.
7. И.С.Тургенев. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Сочинения : в 12 т. / И. С. Тургенев. – [2-е изд., исправл. и дополн.]. – М. : Наука, 1978–1986. Т. 12. – 1986. – 814 с.